

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

О. И. ПЕТРОВА

ОПИСАНИЕ
ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ
КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВЫПУСК I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1956 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
Д. И. ТИХОНОВ

ВВЕДЕНИЕ

Корейский фонд Сектора восточных рукописей Института востоковедения АН СССР в основном состоит из следующих собраний корейских рукописей, ксилографов и старопечатных книг:

- 1) коллекция Азиатского департамента Министерства иностранных дел, поступившая в Азиатский музей в числе других коллекций в 1864 г.;
- 2) коллекция российского консула в Шанхае Павла Андреевича Дмитриевского, приобретенная Азиатским музеем от вдовы последнего в 1907 г.;
- 3) коллекция английского консула в Корее Вильяма Георга Астона, приобретенная Комитетом Дальнего Востока (год поступления ее в Азиатский музей точно не известен);
- 4) отдельные поступления от разных лиц и учреждений.

В описании принадлежность памятника к той или иной коллекции отмечается в разделе внешних данных.

Рукописи, ксилографы и старопечатные книги корейского фонда написаны на трех языках: корейском, китайском и японском. Выделить корейский фонд только по языковому признаку не представляется возможным, ибо написанные по-китайски корейские сочинения, как исторические, так и научные, философские и проч., а равно произведения художественной прозы и поэтические, являются достоянием корейского народа, памятниками корейской культуры, а не китайской. Классический китайский письменный язык в Корее был общепризнанным средством официального общения с древнейших времен существования Кореи как государства до конца XIX в. Но нужно отметить, что в процессе применения китайского письменного языка к обслуживанию собственной корейской культуры корейцы в значительной степени корейзировали его. Таким образом, письменные памятники, написанные корейцами по-китайски, не всегда понятны китайцам, владеющим китайским классическим письменным языком, и без знания строя корейского языка, истории корейского народа и истории его культуры в них разобраться трудно. Не приходится говорить уже о тех письменных памятниках, которые написаны на *иду*, особом виде письменного канцелярского языка, в котором часть иероглифических знаков служит для изображения служебных слов и частиц корейского языка и читается только фонетически.

Ксилографы и рукописи на японском языке в составе корейского фонда относятся к общей истории Кореи, географии Кореи, истории японского вторжения в Корею в конце XVI в. и истории японо-корейских отношений в период закрытия обеих стран для внешних сношений. Частично они написаны по-японски, а частично по-китайски стилем *камбун* с приспособлением для чтения по-японски в виде значков

каэритэн и написанных *окуриганой* японских грамматических показателей.

Во время вторжения в 1592—1598 гг. в Корею японцы захватили корейские книгохранилища и увезли памятники корейской литературы в Японию, во многих случаях став единственными их обладателями. Поэтому японские переиздания корейских памятников часто являются единственными источниками, откуда можно почерпнуть сведения по истории корейского народа. По этому именно признаку они включены в состав корейского фонда. Для удобства читателя язык, на котором написан памятник, обязательно отмечается в описании для каждого памятника в отдельности.

По своему внешнему виду корейские рукописи и книги (ксилографы и старопечатные издания) даже на неопытный взгляд резко отличаются от китайских и японских. И большого формата королевские издания на прекрасной, плотной, цвета слоновой кости бумаге, и обычные ксилографы, и дешевые издания народной литературы, написанной корейской азбукой, на сероватой бумаге скверного качества, имеют обложку, сделанную из несколько более плотной и грубой тисненой бумаги, окрашенной в желтый цвет. Эта обложка без корешка состоит из двух листов подклеенной бумаги, обрезанных вровень с листами книги. Книга связана в пяти-шести местах по корешку обычно красной или желтой крученой ниткой, завязанной узлом на верхнем или нижнем конце книги. Бумага книг-ксилографов народной литературы сероватая, рыхлая, часто с дырками и фрагментами старой бумаги, послужившей сырьем для изготовления бумажной массы. Печать не ложится на такие дефектные места и очень плохо ложится на остальную поверхность листа. Листы бумаги в корейских книгах, так же как в китайских, складываются пополам: каждая половина составляет одну страницу, ибо пишут или оттискивают только на одной поверхности листа, а не на обеих. Поля у книг, кроме королевских изданий, очень узкие и оставляются только по верху и низу листа, а не с боков. Текст на каждом листе взят в рамку из черных полосок: две более тонкие черты проходят посредине листа и отмечают собой то пустое пространство, по которому складывают лист пополам на страницы. Здесь же, в верхней части этого пространства, ставится заглавие книги, а внизу — порядковый номер листа. Таким образом, пагинация делается полистно, а не постранично. Однако ни наличие пагинации, ни обозначение заглавия не обязательны. Зато более чем в 90 случаях из ста обязательно наличие специальной монограммы, служащей отличительным признаком корейских книг. Ставится она в верхней четверти листа, между теми же двумя узкими полосками, о которых говорилось выше, и представляет собой белую фигуру на черном поле, похожую в развернутом виде на четырехлистник или шестистлистник. Шмуцтитул обычно отсутствует, вместо него, если книга не совсем обычная, подклеивается отдельный листок с заглавием книги. Кроме того, на передней обложке книги сверху вниз пишется заглавие книги или рукописи, а под ним номер тома, тогда как на той же обложке в том месте, где книга связывается красной ниткой по корешку, внизу обычно отмечается на каждом томе общее количество томов серии.

Книжной единицей как для Кореи, так для Китая и Японии является **卷** [*цзюань* — по-китайски, *кюон* — по-корейски, *кан (маки)* — по-японски], что соответствует понятию «книга». Одна книга может быть спита в отдельную обложку и представлять собою отдельную книжную единицу или же несколько книг сшиваются в одну обложку, причем делается подобное объединение часто произвольно, так что одно

и то же сочинение в разных изданиях может иметь разное количество отдельных единиц — томов, но число книг, *кюнов*, у него остается неизменным.

Корейские ксилографы, написанные знаками китайской письменности, отличаются от китайских форматом, плотностью и прекрасным качеством бумаги. Исключение составляют дешевые издания народной литературы, но они всегда напечатаны знаками *онмуна*, и уже по этому признаку они не могут быть смешаны с китайскими ксилографическими изданиями.

Корея издавна славилась своим бумажным производством. Корейская бумага изготавливается из луба бумажной шелковицы *чо* (*Broussonetia papyrifera*), которая в большом количестве разводится в Корее и Японии. Кору шелковицы сначала долго вымачивают в воде для отделения луба, который идет в производство. Луб разбивают в толчеях для получения взвеси волокон в воде. Затем эту взвесь подхватывают сетчатыми рамками с поперечным переплетом, после чего снимают с сеток, просушивают и отбеливают на солнце. Если луб бывает недостаточно расколотен в толчеях, в бумаге встречается много нерасчлененных пучков лубяных волокон. Лучшую бумагу выделявали осенью: она отличается наибольшей прочностью, плотностью, гладкостью и имеет оттенок слоновой кости. Края разрыва такой бумаги длиноволокнисты, и она устойчива и гибка, почти как ткань. Это бумага первого сорта. Такая бумага для изданий применялась редко. Ее употребляли для некоторых официальных документов, для сопроводительных к подаркам, посылаемым королем, и для незначительного количества особо ценных королевских изданий.

Бумага второго сорта получается из более жидкой взвеси, из-за чего на сетке остается меньше волокон; бумага тоньше, вержеры более заметны. Лучшие типы этого сорта бумаги были приняты для писания сочинений на государственных экзаменах на чин.

Простая бумага производилась из наиболее грубых остатков луба, отбросов производства бумаги лучших сортов, с добавлением в смесь более или менее измельченной в толчеях старой использованной бумаги, раздробленное волокно которой связывается свежими лубяными волокнами. В этом случае дорогого сырья требуется значительно меньше, а поэтому само производство удешевляется.

Кроме того, отливка дешевых сортов бумаги производилась гораздо небрежнее, из-за чего в бумаге получались дырки и комки, создающие неровную поверхность листа, на который оттиск текста с деревянной доски с вырезанным на ней текстом ложится крайне неровно. Из бумаги второго сорта, окрашенной в желтый цвет, делают обертки для книг.

Во все века существования корейских книг бумага сохраняет тот же характер, плотность и волокнистую структуру. Поэтому фактура бумаги не дает никаких дополнительных признаков для датировки рукописи или ксилографа при отсутствии колофона. Некоторые рукописи романов корейского фонда Института востоковедения, относящиеся к XIX в., обращают внимание чрезвычайной желтизной бумаги, переходящей в оранжево-коричневый тон, а между тем по возрасту это не старые рукописи, а насчитывающие едва ли сто лет. При детальном ознакомлении с фактурой бумаги выяснилось, что она была пропитана, очевидно для придания прочности, каким-то растительным маслом, что придало ей такое странное пожелтение и вызвало преждевременное постарение.

До конца прошлого века корейцы в основном печатали с резных деревянных досок. Для изготовления таких досок использовалась плотная твердая древесина, главным образом дубовая и самшитовая,

а также черешневая. Текст дешевых книжек народной литературы вырезывался на досках из более мягкой древесины; отсюда нечеткость, расплывчатость печати этих книжек.

Ксилографические доски изготовляли следующим образом: на доску толщиной 2 см, с тщательно выровненной поверхностью, наносился ровный слой рисового клейстера, на него накладывался лицевой стороной на доску лист бумаги с каллиграфически написанным на нем тушью текстом таким образом, что рукопись отпечатывалась на клейстере и получалось зеркальное изображение текста. Резчик аккуратно вырезал все, что оставалось белым, в результате чего получалось рельефное зеркальное изображение текста и рамки. Так достигалось точное воспроизведение рукописи — факсимиле автографа. Заголовки, предисловия и послесловия часто бывают написаны не переписчиками, а самими авторами или лицами, пользующимися особым уважением, и книга приобретает характер каллиграфического произведения. Вот почему в одном и том же ксилографе, в разных частях его, можно встретить различные каллиграфические приемы, разные почерки. Доску всегда резали в формате полного листа. При печатании вырезанный текст смазывали тушью при помощи плотного ватного тампона. На зачерненную тушью поверхность накладывали лист чистой бумаги, покрывали его куском толстой мягкой бумаги, по которой проколачивали поверхность жесткими щетками. После этого лист с полученным оттиском снимали, а на поверхность доски накладывали следующий и т. д., до полного истощения туши на поверхности доски. Затем снова покрывали доску тушью и так повторяли печатание до тех пор, пока не оказывалось снятым нужное количество оттисков. Оттиск производился только на одну поверхность бумажного листа накаткой, затем лист складывался пополам, и таким образом получались правые и левые страницы. Обратная, внутренняя сторона листа всегда оставалась белой. В корейском фонде имеются рукописи, не ксилографы, у которых листы разрезаны и на обратной белой стороне интерполированы тексты, ничего общего с текстом рукописи не имеющие, — иногда обычные школьные упражнения подростков, использовавших чистые оборотные поверхности листов рукописи для школьных упражнений. С ксилографами такую вещь проделать трудно, ибо в большинстве случаев бумага на них слишком тонка для того, чтобы можно было писать на обратной стороне.

Резьба на твердой древесине требовала большого искусства со стороны резчика, но позволяла передавать и наиболее тонкие штрихи подлинника. По внешнему виду корейские гравюры на дереве так тонко выполнены, что более похожи на европейские гравюры на меди.

Деревянные доски-блоки сохранялись как своего рода клише с тем, чтобы с них можно было по мере необходимости делать новые оттиски. В Корейской народно-демократической республике был открыт особый музей в поселке Механсане (северо-восточнее г. Анчугу), в провинции северный Пхёнандо, созданный на базе старинных буддийских храмов. В нем хранилось 4296 средневековых печатных досок, принадлежавших буддийскому монаху Самендан, жившему в начале XV в.

Корейцы отмечали в своих ксилографических изданиях повторные воспроизведения со старых досок знаками **重刊** (*чунган*), а новые ксилографированные издания, т. е. издания, выполненные с вновь вырезанных досок, — знаками **新刊** (*синган*). Знаки эти помещаются обычно вместе с датой издания (если таковая дается) на последнем листе последнего тома. Однако подобные отметки делаются далеко не всегда.

В изобретении печатного подвижного шрифта Корея опередила Европу. В 1403 г. король Тхэ Чжонъ (太宗) приказал отлить иероглифы из меди для печатания книг. Тогда же был произведен отбор наиболее часто встречающихся иероглифов в Ши-цзин, Шу-цзин и Цзо-чжуане и из меди было отлито 100 000 знаков. как о том сообщает «Корейская энциклопедия Мунхон-биго».

Корейские печатники применили подвижной шрифт за 37 лет до изобретения его Иоганном Гутенбергом в Германии. Действительно, сохранившийся до сих пор старейший набор в Корее относится к 1403 г. Часть его хранится сейчас в коллекциях Американского естественно-исторического музея в Нью-Йорке.

Литеры этого шрифта были приобретены в 1897 г. в Корее Гоме-ром В. Гулбергом, автором «Истории Кореи». Ему подарил эти литеры Департамент просвещения в Сеуле, где он нашел остатки от первых трех наборов 1403, 1420 и 1434 гг. От первого набора осталось только 53 литеры, и Гулберт утверждал, что это были единственные, кото-рые министр просвещения подарил ему. Однако более позднее свиде-тельство куратора Сеульского музея ставит под сомнение утверждение Гулберта. В Сеульском музее хранилось большое количество старых шрифтовых наборов 1403, 1416, 1420, 1434 и более поздних годов.

Обстоятельства, сопутствовавшие изобретению первого в мире по-движного литого шрифта, показывают, что Корея была просвещенной и прогрессивной страной за столетие до открытия Колумбом Америки. История изобретения металлического шрифта, излагаемая в корейских книгах, напечатанных через 6 лет после изобретения литого шрифта, повествует следующее:

«Во вторую луну первого года Юньно (1403 г.) король сказал: „Кто хочет управлять, должен хорошо знать законы и классические книги. Затем он должен быть справедливым во внешних делах и стой-ким во внутренних. Это обеспечит мир и порядок в стране... Книги, печатаемые с деревянных досок, часто бывают несовершенными, и сверх того очень трудно печатать таким способом все книги, которые суще-ствуют. Я повелеваю, чтобы отныне иероглифы отливались из бронзы и чтобы все без исключения, что попадает в мои руки, печаталось таким способом. За это нас будут благословлять вечно“».

Этот декрет короля датирован 11-м месяцем того же года, т. е. между 14 декабря 1403 г. и 12 января 1404 г. (по европейскому лето-счислению), и повторяется во всех книгах, напечатанных в 1409, 1434 и 1437 гг.¹

В собрании письменных памятников корейской культуры Института, востоковедения АН СССР имеется первопечатное издание подвижным литым шрифтом 1403 г. — несколько томов «Самгук саги» («Историче-ские записи трех древних государств»), написанного в 1145 г.

Все преемники Тхэ Чжонъа продолжали интересоваться печатанием книг; поэтому до 1544 г., согласно имеющимся историческим сведениям, было издано одиннадцать декретов об отливке новых знаков и печата-нии книг подвижным шрифтом. До 1434 г. в Сеуле существовала только одна отливочная мастерская. В этом году король приказал произвести новую отливку из свинца иероглифов двух размеров. Затем короли приказывали отливать то 100 000 знаков, то 200 000 знаков и в своем увлечении печатным делом не считались ни с чем: если нехватало металла для отливки знаков, в переливку пускали колокола подвер-

¹ 鑄字事實 (Чуча сасиль). История литого шрифта в Корее. Цит. по: M. Courant, Bibliographie coréenne, t. II, № 1673. Paris, 1895, стр. 222—227.

гавшихся в то время преследованию буддийских храмов, переливали сосуды и бытовые предметы, поступавшие от государственных чиновников или отбравшиеся у населения.¹

Около 1041 г. в Китае некий Би Шэн вырезал отдельные иероглифы в мягкой глине и подверг глину обжигу. Когда ему нужно было печатать, он приклеивал керамические литеры в нужном порядке к ровной поверхности, смазывал поверхность приклеенных литер тушью и затем прижимал к этой поверхности кусок бумаги. Вполне естественно, что основа, к которой надлежало приклеивать керамические литеры, должна была быть твердой и негнушейся; вот почему такую основу нередко делали из металла. Керамические литеры были непрочными и ломались в процессе печатания, что привело к замене их литерами из более прочного материала. С течением времени литеры стали вырезать наподобие печатей не из глины, а из дерева, железа, олова, свинца и меди. Однако все это были хотя и разборные шрифты, но вырезанные, а не отлитые. Каждая литера гравировалась отдельно, и такая гравировка требовала огромного труда и искусства резчика.

Такие разборные резные шрифты, повидимому, проникли из Китая в Корею, хотя документального подтверждения этому нет. Точная дата, когда в Корее начали пользоваться резными литерами разборного шрифта, не известна. Сохранилось только указание одного корейского чиновника Ли Гу Бо, умершего в 1241 г., о том, что его отец составил книгу, которая была отпечатана разборными вырезанными на металле литерами в период между 1224 и 1241 гг. Однако никаких документальных подтверждений этому высказыванию нет. Кроме того, нельзя смешивать две вещи: металлические резные в виде клише печати-литеры, наклеиваемые на неподвижную основу, и литые литеры для специальных наборов.

В конце XVI в. печатание подвижным шрифтом было надолго прервано вторжением японцев в Корею. Они вывезли в Японию подвижные иероглифические шрифты из Кореи и разгромили корейские книгохранилища. Повидимому, в Японии только после вторжения Тоётоми Хидэёси в Корею появилось книгопечатание подвижным шрифтом, но не ранее, как указывают сами японцы. В 1770 г. король Ён Чжонъ (英宗) приказал отлить иероглифы для печатания знаменитой «Корейской энциклопедии Мунхон-биго»; нужное количество литер было отлито в течение пяти с половиной месяцев. Это издание имеет послесловие, в котором по традиции изложены история изобретения подвижного шрифта и способы его применения. После этого в течение нескольких лет было отлито еще 300 000 знаков, которые частью хранились в Королевской библиотеке, а частью во дворце Чанъгёнъгун. Кроме того, было изготовлено 32 000 деревянных пуансонов из наиболее твердой древесины, которые должны были служить моделями для отливки новых литер. За время с 1770 по 1797 г. было напечатано довольно много книг подвижным шрифтом.

Хотя корейцы и изобрели подвижной металлический шрифт, но они не изобрели печатного станка; поэтому печатание книг подвижным шрифтом у них долго сохраняло ряд черт, сближавших его с печатанием ксилографов. Процесс состоял в том, что сперва заготавливалась коробка размером в полный лист предполагаемого издания, с невысокими боковыми стенками, служившими рамками листа. Затем внутрь рамки вставляли тонкие бамбуковые пластинки, разделявшие коробку на попереч-

¹ 東國文獻備考 (Тонъгук мунхон-биго). Корейская энциклопедия Мунхон-биго, кн. 94, 100 и послесловие.

ные деления, отграничивавшие колонки иероглифических литер. Для того чтобы бамбуковые пластинки не смещались, между ними вставляли у дна коробки деревянные распорки. После этого вся поверхность коробки заливалась смесью смолы с воском до уровня немного ниже бортов боковых стенок.

Отдельные металлические литеры с зеркальным изображением иероглифов выглядят так же, как литеры европейского подвижного шрифта. Но в то время как у европейских литер оба торца, и верхний, с зеркальным изображением печатного знака, и противоположный ему нижний, имеют одинаково прямоугольную форму, у корейских литер нижний конец оттянут в два расположенных на узких сторонах литеры острия. Этими остриями литеры в соответствующем порядке и вкалывали в восковую массу. После окончания набора на поверхность его накладывали ровную гладкую доску и нажимали на нее для того, чтобы все литеры оказались погруженными в массу на тот же уровень, как и верхняя граница рамки и разделительные пластинки. С полученной таким путем «доски» печатание производилось таким же способом, как и с резных деревянных досок.¹

Книги, напечатанные подвижным шрифтом, являлись предметом роскоши, доступным только королевскому двору и высшим чиновникам. Даже королевские издания, предназначенные для распределения по провинциям, переиздавались для более широкого употребления ксилографическим способом. Поэтому книги-ксилографы имели в Корее очень широкое распространение во все времена, вплоть до конца XIX в. При ксилографировании, хотя и можно получить с одной и той же доски довольно большое количество оттисков, тиражи были ничтожными. Имеются указания на тиражи в 8—20 экземпляров. Вот почему на книги-ксилографы распространяются все те же правила хранения и пользования, что и на рукописи.

Роль рукописей в Корее, где книгопечатание применялось раньше, чем в Европе, совершенно иная, чем в других странах Запада и Востока. Основную массу корейского фонда составляют ксилографы. В Китае, где искусство гравирования на досках достигло высокого мастерства, бумага была относительно дешева, а ксилографы имели широкий сбыт, рукописи разыскиваются с трудом. В Японии, где книгопечатание не получило большого развития вплоть до конца XVI в., рукописи значительно менее редки. В Корее же они встречаются во множестве, несмотря на давность изобретения печатания подвижным металлическим шрифтом, несмотря на высокое мастерство ксилографирования и книгопечатания в целом. Дело в том, что подвижным шрифтом печатались только избранные произведения ничтожными тиражами королевских изданий для королевского двора. Печатание их обходилось слишком дорого, и книга была совершенно недоступна не только для населения, но даже и для ученых, в библиотеках которых книги, напечатанные подвижным шрифтом, являлись большой редкостью. Поэтому с точки зрения раритетности в корейском фонде являются самыми ценными именно старопечатные королевские издания. Эти издания представлены единицами в мировых книгохранилищах. После выпуска того или иного издания набор разбирался, а тираж был ничтожным — всего несколько экземпляров. После выпуска ксилографа оставались доски-блоки, клише, с которых при необходимости можно было оттиснуть новые экземпляры.

¹ За сообщение сведений по технике печатания подвижным металлическим шрифтом в феодальной Корее приношу благодарность тов. Ким Ден До (金正道), специально занимавшемуся историей книгопечатания в Корее.

Набранные же подвижным шрифтом издания были уникальными. Рукописные списки, конечно, стояли тоже не дешево, но ведь каждый мог сам переписать себе все, что ему требовалось. Время же в феодальной Корее ценилось крайне дешево. Представители корейского дворянства, от безделья не знавшие куда девать время, занимались переписыванием высоких образцов, не боясь уронить своего достоинства, даже делая это для продажи переписанных ими списков, а не только для личного пользования. Провинциальные губернаторы и другие чиновники использовали для переписывания сочинений, не только административного характера, но и по самым разнообразным вопросам, своих подчиненных, не оплачивая дополнительно их труд. Если бы гравировать эти сочинения на досках, нужно было бы тратить на это средства, а переписка в одном-двух экземплярах нужного кому-нибудь из должностных лиц печатного труда не стоила им ни гроша. Поэтому на корейских рукописях почти никогда не имеется даты переписки, не указывается и место переписки; неизвестно также, является рукопись автографом или копией, а копия — сверненным списком или несверненным. Установить все это при описании также невозможно, ибо в фонде рукописи имеются только в одном экземпляре и нет самих сочинений, с которых они скопированы. Переписчики, как правило, анонимны. Приписки владельцев или других лиц также чрезвычайно редки. Все это вместе взятое создает чрезвычайные трудности для датировки рукописи при отсутствии колофона.

Корейские рукописи имеют разный формат, написаны они на такой же бумаге, как и печатные книги, — или не разграфленной, или имеющей такие же рамки и вертикальные линии, как ксилографы и печатные книги, и такие же монограммы в виде белого на черном поле четырех- или шестилистника. Обычно рукописи писали на листах бумаги, на которых рамка, разделительные черты и монограмма на месте будущего перегиба были отпечатаны заранее с резных деревянных досок в виде своего рода бланка. Почерки, которыми пишутся рукописи, самые разнообразные, иногда очень скорописные, со многими сокращениями, иногда отличающиеся каллиграфической изящностью и элегантностью письма, копирующего наилучшие образцы печатных знаков. Стиль почерка может подражать китайским каллиграфическим образцам различных эпох, поэтому почерк сам по себе не может еще служить критерием для определения возраста рукописи.

В корейском фонде образцом каллиграфически выполненного рукописного текста является список с издания 1770 г. «Корейской энциклопедии Мунхон-биго» в 45 томах из 91 книги. Среди рукописей встречаются тексты различного содержания. Иногда это подлинники авторов, не имевших возможности по тем или иным причинам быть напечатанными: административные справочники, скопированные для местного или личного пользования, труды исторического характера, например корейский перевод «Мёнъыйрок» (明義錄), истории 1775—1777 гг., напечатанной подвижным шрифтом в 1777 г. в королевской книгопечатне на китайском языке. Интересна рукопись (без даты и автора) о семи военных экспедициях Кореи против японцев, маньчжуров и пр. в XV в. (國朝征討錄). Но особенно много рукописей художественной литературы на корейском языке. Следует отметить, что в феодальной Корее не было принято печатать исторические труды, относящиеся к правящему королю, поэтому рукописи таких трудов также нередкое явление.

Нужно быть чрезвычайно внимательным, для того чтобы отличить корейскую книгу, напечатанную подвижным шрифтом, от ксилографи-

ческого издания. По внешнему виду напечатанная подвижным шрифтом книга старой феодальной Кореи почти ничем не отличается от книги ксилографа: тот же формат, та же обложка, те же сорта бумаги, та же монограмма. Корейские книги большей частью имеют крупный формат. По принятой в Секторе восточных рукописей форматной шифровке корейские книги в основном относятся к форматам С и D (т. е. от 25 до 40 см по вертикальному измерению). При внимательном изучении отличительных признаков книги, напечатанной подвижным металлическим шрифтом, можно заметить следующее.

1. У монограммы, помещаемой на месте перегиба листа, боковые границы имеют самостоятельный контур, а не сливаются с вертикальными разделительными линиями, как это имеет место на ксилографах. Зависит это от того, что при печатании подвижным шрифтом зеркальное изображение монограммы набирается, как и иероглифы, в форме литеры и вставляется на соответствующее ей место путем вкалывания в восковую массу. Поперечник литеры монограммы всегда несколько меньше ширины полосы, ограниченной двумя соседними вертикальными разделительными чертами. Поэтому между границами монограммы и чертами всегда сохраняется хотя бы волосно тонкий просвет. На резных досках монограмма вырезывается одновременно с разделительными чертами, которые и составляют ее непосредственные боковые границы.

2. Вертикальные разграничительные линии, отделяющие колонки текста, нередко бывают изогнуты или сдвинуты вследствие того, что бамбуковые разделительные пластинки под давлением вкалываемых в восковую массу литер смещаются и изгибаются, тогда как вырезанные на доске представляют единое целое с текстом.

3. Вертикальные разграничительные линии обычно не сливаются с линией рамки, а отделены от нее тончайшим белым просветом из-за вставленных в коробку распорок между бамбуковыми пластинками.

4. В книгах, напечатанных подвижным шрифтом, наблюдается полная типовая тождественность одинаковых иероглифов, встречающихся в пределах одного издания. Впрочем, последний признак не является достаточно выдержанным, потому что для обычных переизданий королевских изданий, первоначально напечатанных подвижным шрифтом, применялся ксилографический способ воспроизведения. При этом на ксилографе не только точно передавались все особенности литер подвижного шрифта, но на титульном листе даже сохранялась надпись основного королевского издания: «Напечатано подвижным шрифтом».

Отличительной чертой ксилографов, т. е. оттисков, полученных с деревянных резных досок, является нередко появление тончайших белых штрихов на изображении иероглифов, что зависит от неравномерного впитывания туши в древесину, вызываемого различием в клеточном строении древесины в пределах годовых колец. Особенно этот признак хорошо заметен на текстах дешевых изданий, вырезанных на мягких сортах древесины. Трудно иногда бывает отличить рукопись от ксилографа, тем более, что у некоторых рукописей текст, как указывалось выше, бывает заключен в ксилографически выполненные рамки. Рукописные книги в основном имеют тот же формат, ту же обложку, ту же монограмму, что и книги-ксилографы. Лишь изредка рукописи имеют белую чуть желтоватую обертку и связаны не красной, а зеленой или голубой ниткой.

Для определения того, является данный памятник рукописью или ксилографом, иногда приходится прибегать к увеличительному стеклу. Только при увеличении бывает видно, что писавший рукопись источник к концу написания нескольких знаков тушь на кисти, обмакивал

кисть снова в тушь, отчего последующие знаки получались более яркими; заметны волосные штрихи кисти, уже оторванной от бумаги, но оставившей почти не различимые невооруженным глазом штрихи, которые никакой резец передать не сможет. Иногда видно, что черты последующего иероглифа перекрывают черты предыдущих, и заметен порядок черт при начертании кистью иероглифического знака.

Большую трудность при описании корейских рукописей и ксилографов составляет установление точного имени автора, места его рождения или места, где было написано или издано его произведение.

Всякий кореец имеет фамилию (姓) — *сонъ* и имя (名) — *мёнъ* (*ирым*). Однако имена нередко меняются из тех или иных соображений. В Корее имелось шесть так называемых главных фамилий: Ан, Цин (Чонъ), Пак, Ли, Ким, Цой (Чхё). Имеющие другие фамилии, кроме указанных шести, считаются, по свидетельству П. А. Дмитриевского,¹ происходящими от древних переселенцев из других государств: 60—70% населения Кореи принадлежит к этим шести фамилиям.

В отчете за 1915 г. Н. И. Конрада Русскому комитету по изучению Средней и Восточной Азии о его командировке в Корею относительно этих шести главных корейских фамилий сообщается следующее: «Основными корейцы считают шесть следующих фамилий (родов), которые так и называются 六姓 (*юксонъ*) — „шесть фамилий“: Ли (李), Ким (金), Цой, Чхё (崔), Ан (安), Цин, Чонъ (鄭), Пак (朴). Вообще же родов насчитывают 104, но многие корейцы утверждают, что настоящих, действительных из них 74—75, остальные же будто представляют ответвления от них... Каждый из перечисленных родов отличается от другого своей „родиной“ (貫鄉), т. е. тем местом, откуда произошли предки рода. Ввиду того что многие роды носят одинаковые фамилии, необходимо чем-нибудь отличить их один от другого, поэтому к каждой фамилии обычно присоединяют еще и название того места, откуда она ведет свое происхождение. Последнее строго соблюдается еще и по той причине, что все эти роды отличаются друг от друга по степени древности и знатности, поэтому, если корейцу мало говорит название 李 (Ли) вообще, для него становится вполне ясным, о ком идет речь, если скажут 牛峰李氏 (Убонъ Ли сси), т. е. дом Ли из Убонъя. Помимо этого, указание рода становится необходимым еще и потому, что простой народ (常民) носит в большинстве случаев — из подражания — те же фамилии, и поэтому упоминание одной только фамилии без указания, откуда она, может ввести в заблуждение относительно принадлежности данного лица к тому или иному классу. Простой же народ, конечно, не имеет возможности указать своей „родины“, равно как нет у него генеалогических таблиц, составляющих необходимую принадлежность янбаньского рода».²

Поскольку при описании рукописей и ксилографов приходится иметь дело с различными образцами литературы феодальной, а не современной Кореи (писателями же являлись только представители правящего класса), приходится считаться с приводимыми выше указаниями, а отсюда выяснение места происхождения того или иного автора рукописи имеет большое значение.

Все корейцы ученого звания в феодальной Корее имели добавочное имя или прозвище — *ча* (子), которое также может быть переме-

¹ П. А. Дмитриевский. Заметки переводчика, составленные переводчиком при окружном управлении на острове Цусима Отано Кигиро в 1794 г. Зап. Русск. Геогр. общ. по общ. географ., т. XII, № 4, 1884, стр. 171—172.

² Архив АН СССР, ф. 148, оп. 1, № 94, рукопись Н. И. Конрада.

нено; кроме того, лица, занимавшиеся литературной деятельностью, имели различные литературные псевдонимы — *хо* (號), числом от одного до десяти и больше. В качестве псевдонимов нередко избирались топонимические названия. Последнее обстоятельство чрезвычайно усложняет дело. Крупные чиновники и государственные деятели вдобавок получали от короля почетные имена как при жизни — *поньхо* (封號), так и посмертно — *сихо* (諡號).

Многократно изменяются также и названия населенных пунктов. Кроме того, большинство населенных пунктов имеет по два названия: одно официальное, а другое местное народное. Официальные наименования менялись при смене династий. Если данная местность почему-либо вошла в литературу, она получала одно или несколько литературных имен. Бывало, что при смене династий то имя, которое носил какой-нибудь город в Северной Корее, получал другой город в Южной Корее, и наоборот.

Большую трудность представляет и хронологизация рукописи даже в тех случаях, когда имеется дата. Корейцы приняли китайский шестидесятилетний цикл счета времени. Если и удастся установить порядковый год написания произведения в пределах цикла, то, к какому циклу относится этот год, догадаться можно только из контекста по упоминаемым в нем событиям. Даже прибавление к циклическому году имени правившего короля не всегда дает основания для точной датировки. Принцип пиетета часто не позволяет автору называть короля по храмовому имени — *миохо* (廟號), оно замещается наименованием его гробницы — *нынъхо* (陵號). Нередко второй иероглиф названия гробницы — *нынъ* (陵) подменяется словом «храм» — *мио* (廟), которое эквивалентно иероглифам *-чо* (祖) и *-чонъ* (宗), применяемым в качестве второго иероглифа в наименовании храмов. Таким образом, по имени *ёнъмио* (英廟) нельзя понять, относится ли оно к королю Ёнь Чжо, правившему с 1725 по 1777 г., или это наименование гробницы Ёньнинъ (英陵) короля Се Чжонъа (世宗), правившего тремя столетиями раньше.¹

Китайские владыки еще до начала новой эры ввели в обычай с года вступления на престол или по какому-либо другому знаменательному событию избирать счастливые иероглифические сочетания в два-четыре иероглифа для обозначения периода лет. Обычно это называется эрами правления (年號), и текущий год периода определяется как первый, второй, третий год такого-то правления. Годы правления продолжают начисляться без перерыва до тех пор, пока императорским декретом не будет обнародовано другое избранное наименование годов правления. Эры правления, таким образом, будут продолжаться не в соответствии с действительным количеством лет правления данного императора, а согласно его волеизъявлению. Только с начала Минской династии было введено правило первым годом правления считать год вступления императора на престол.

¹ Во всех исторических трудах короли династии Ли называются почетными именами, пожалованными им посмертно китайскими императорами. Имена эти вообще состоят из четырех слогов, из которых вторым является всегда *чо*, китайский *цзу* (祖) или *чонъ*, китайский *цзун* (宗). *Чо*, означающее «предок», «основатель», жаловалось королям, в правление которых были войны, смуты, восстания, во время которых король как бы вновь утверждал свою династию. *Чонъ* же давалось королям, правление которых отличалось миром и спокойствием. Только два короля, Ён Сан Гун и Коанъ Хэ Гун, не получили почетных посмертных имен как низвергнутые с престола.

Все официальные корейские издания и большинство частных указывают годы китайских эр правления. Однако в Корею, хотя и признавшей в 1637 г. сюзеренитет маньчжурской династии, была сильная оппозиция новой династии, поэтому во многих изданиях и рукописях годы продолжали исчисляться по последней эре правления Минской династии. С тех пор как Корея вступила в официальные сношения с западными державами в конце XIX в., в официальных документах первым годом летоисчисления был принят 1392 г. — год начала правления династии Ли.

Относительно транскрипции, принятой в каталоге, нужно сказать следующее.

Русские лингвисты-корееведы не выработали единой общепризнанной транскрипции корейских слов подобно той, которая выработана для японских. Транскрипции Вебера, Подставина, Пудилло, Кузьмина неудовлетворительны как с точки зрения понимания фонетического строя языка, так и с точки зрения передачи средствами русской графики звукового состава корейского языка. Систематическое экспериментальное обследование литературного произношения корейского языка хотя и проводится в Лаборатории экспериментальной фонетики Ленинградского Государственного университета доцентом Л. Р. Зиндером, но результаты его еще не опубликованы. Транскрипция, предложенная составителями «Русско-корейского словаря» Усатовым, Мазуром и Моздыковым, сделанная без экспериментальной лабораторной проверки корейского произношения, имеет много погрешностей, поэтому полностью принята также быть не может. Во избежание применения диакритических знаков нами принимается упрощенная транскрипция, только приблизительно отражающая средствами русской графики произношение корейских звуков.

Корейский алфавит имеет следующие знаки для согласных:

к н т л/р м п с нь
 フ レ ㄷ ㄱ ㅍ ㅂ ㅅ ㅈ

Эти знаки употребляются как перед гласными, так и после гласных. Но нужно заметить, что между гласными и после носовых *м, н, нь* звуки *к, т, п* озвончаются и поэтому в русской транскрипции передаются через буквы *г, д, б*.

Знаки

ч чх кх тх пх х

ㅈ ㅊ ㅋ ㅌ ㅍ ㅎ

употребляются только перед гласными. Звук *ч* между гласными и после носовых озвончается и поэтому в русской транскрипции передается сочетанием букв *чж*. Звук *х* произносится только тогда, когда следующий за ним гласный произносится достаточно напряженно; если такого напряжения нет, то *х* исчезает, что передается при транскрипции.

Удвоенные знаки

кк тт пп чч

ㄲ ㄸ ㅃ ㅆ

в корейском алфавите изображают звуки со специфическим характером смычки соответствующих органов речи, сопровождающейся смычкой или резким движением гортани.

В середине слова русские графемы *кк, тт, пп, чч, сс, нн, мм, лл* изображают соответствующие долгие согласные.

При транскрипции корейских слов русскими буквами мы следуем общеизвестной таблице ассимиляции корейских согласных:

Второй слог начинается с:	Первый слог оканчивается на:							
		к	т	п	н	м	л	нь ¹
к	кк	кк	пк	нк	мк	лк	ньк, ньнк	
т	кт	тт	пт	нт	мт	лт, д	ньт	
п	кп	пп	пп	мп	мп	лп	ньп	
ч	кч	тч	пч	нчэс	мчэс	лчэс, чэс	ньчэс	
с	кс	сс	пс	нс	мс	лс, с	ньс	
н	ньн	нн	мн	нн	мн	лн, н	ньн	
м	ньм	мм	мм	мм (нм)	мм	лм	ньм	
р/л	ньл	нл	мл	лл	мл	лл	ньл	

В литературном корейском языке имеется 10 гласных:

- 1) нормальное широкое а (ㅇㅏ), в русской транскрипции буква а;
- 2) неогубленное полуоткрытое э (ㅇㅓ);
- 3) огубленное, закрытое о (ㅇㅗ); при упрощенной практической транскрипции знаками русской графики и неогубленное и огубленное о изображаются буквой о;
- 4) звук у (ㅇㅜ) передается русской буквой у;
- 5) звук ы (ㅇㅡ) — русской буквой ы;
- 6) звук и (ㅇㅣ) — русской буквой и;
- 7) переднее ä (ㅇㅐ) — русской буквой э;
- 8) звук э (ㅇㅑ) — русской буквой е;
- 9) звук ö (ㅇㅓ), близкий по произношению к немецкому ö, во избежание применения необычной буквы передаем русской буквой ё;
- 10) ү (ㅇㅓ), близкий к немецкому ü, по тем же соображениям передаем русской буквой ю.

Корейские гласные а, э, о, у, предшествуемые среднеязычным сонорным полугласным й, йотируются, поэтому их транскрибируем соответствующими русскими буквами: ㅇㅏ — а, ㅇㅓ — э, ㅇㅗ — о,

ㅇㅜ — ю. При практической транскрипции мы изображаем русской буквой ё как йотированное э, так и йотированное о.

Кроме того, в корейском произношении имеется два йотированных е: одно широкое, восходящее к дифтонгу йä (ㅇㅑ), а другое более узкое, восходящее к дифтонгу йе (ㅇㅓ). При практической транскрипции оба эти звука передаются нами через русскую букву е.

Дифтонгом в собственном смысле этого слова в корейском языке является только ый (ㅇㅣ), который и передается русскими буквами ый.

¹ Сочетанием графем нь в русской транскрипции передается сонорный носовой, близкий к английскому ŋ (ㅇ), а также назализация н при ассимиляции.

Но в корейском произношении, в случае если два гласных следуют непосредственно друг за другом и они различны, гласный более высокого подъема образует едва слышимый переходный скользящий звук. В корейско-русском и русско-корейском словарях для изображения этого скользящего звука принята русская буква *в*, например сочетания: *oa* транскрибируется *ова*, *уэ* — *увэ*. Мы не следуем этой транскрипции и зияния между гласными не отмечаем, следуя корейской орфографии, не имеющей для этого никакой графемы.

При написании корейскими буквами заглавия памятников мы следуем орфографии самого памятника, хотя бы она и не совпадала с современной корейской орфографией.

Русскую транскрипцию названий всех корейских переизданий китайских памятников мы даем в корейском, а не китайском произношении.

Тематически по содержанию корейский фонд нами подразделен на следующие разделы.

1. История: общая история Кореи; история японского вторжения в Корею в 1592—1598 гг.; новая история Кореи (XIX в.); история внешних сношений Кореи; корейские труды и издания по истории Китая; история конфуцианства в Корею. К этому же разделу относятся география, этнография и право.

2. Философия: корейские переводы, комментарии и издания китайских конфуцианских книг, труды корейских неоконфуцианских философов. К этому разделу относятся также памятники религиозной литературы — конфуцианства, даосизма, буддизма и христианства.

3. Язык и литература. В этом разделе сосредоточены все памятники, представляющие интерес для изучения их лингвистами-корееведами, историками языка: руководства по корейскому языку, рассказы и диалоги на корейском языке, японо-корейские разговорники, китайско-корейские словари, а также руководства по китайскому языку для корейцев с корейской транскрипцией китайских слов.

До XV в. вся корейская литература писалась только на китайском языке. Только с 1444 г. появляется литература, написанная на корейском языке знаками корейского алфавита *хунмин-чжонгым*. В нашем корейском фонде нет ни одного памятника, написанного на корейском языке, старше XVI в. Принимая во внимание, что корейский алфавит как способ корейской письменности был запрещен королем Ён Сан Гуном в 1504 г. и разрешался только как система транскрипционных знаков для иностранных языков, в первую очередь китайского, все пособия по китайскому языку, имеющие корейскую транскрипцию и частично перевод слов на корейский язык, представляют исключительную ценность для лингвистов, поэтому они включены нами в этот раздел.

К литературе мы относим все корейские произведения, написанные на китайском языке, называемые по-корейски *чип* (集) — «собрания», *ко* (稿) — «черновые наброски», *юго* (遺稿) — «черновые записи», оставшиеся в наследие после того или иного автора и изданные его потомками или учениками. Собрания сочинений содержат самые разнообразные работы автора. В них можно найти и поэтические произведения (стихи), и разные официальные документы, и частную переписку, и сочинения церемониального порядка: адреса — *чон* (箋), эпитафии — *мёнъ* (銘), панегирики посмертные и биографические — *чимун* (誌支) и *чичжан* (誌狀), *хэнчжан* (行狀), траурные сочинения — *эму*

(哀文), молитвословия — *чэ.мун* (祭文), предисловия — *се* (序), послесловия — *пхаль* (跋), трактаты, изъяснения, комментарии, словом — все, кроме беллетристики. Ни романов, ни повестей, ни рассказов в этих собраниях нет.

Большой интерес для историков корейской литературы представляет собрание «Избранные произведения корейской литературы» (東文選) — антология корейских поэтов, писавших стихи на китайском языке. Эта антология состоит из 46 томов в 130 книгах, в которых собраны поэтические произведения за 6 с лишним веков.

В этом же разделе собраны рукописи корейских романов на корейском языке, совершенно исключенных из списков канонической литературы. Тем не менее этот жанр феодальной литературы постепенно развивался и интересен как источник создания корейского литературного языка.

Особенный интерес представляет собранная в этом разделе корейская народная повествовательная литература на общенародном корейском языке.

Имеется и несколько сборников стихов на корейском языке.

4. Справочная литература. К справочной литературе мы относим энциклопедии, из которых прежде всего следует отметить упоминавшуюся выше «Мунхон-биго».

Все разделы корейского фонда каталогизированы по общей схеме описания рукописей, принятой Сектором восточных рукописей Института востоковедения АН СССР для описания рукописей на всех восточных языках, хранящихся в Институте востоковедения. Схема предусматривает четыре основных раздела: 1) содержание рукописи; 2) история рукописи; 3) внешние данные и 4) библиография.

Если рукопись, ксилограф или старопечатное издание имели шифр Азиатского музея или библиотеки ИВАН СССР, то этот старый шифр помечается в скобках рядом с форматным шифром Сектора восточных рукописей. Название памятника дается иероглифическим шрифтом или корейским алфавитом, согласно самому памятнику, никаких изменений не производится. В скобках к названию дается транскрипция. Затем следует русский перевод заглавия.

Сведения об авторе даются следующие: а) полное его имя, б) прозвище, в) литературное имя, г) место рождения, д) даты рождения и смерти, если таковые возможно выяснить.

Корейские литераторы, как указывалось выше, имели много (до десяти и более) литературных имен и могли их произвольно менять; всех имен нам выяснить часто не удавалось, и мы приводим только одно-два наиболее известных литературных имени автора. Некоторые биографические сведения об авторе даются только в виде исключения, если они представляют особый интерес.

Непосредственно за сведениями об авторе отмечается язык памятника. По возможности приведены и даты написания сочинений, если их удастся выяснить из содержания памятника или найти в иных достоверных источниках.

Содержание сочинения дается только в самых кратких чертах, необходимых для ориентировки читателя. Если в рукописи отсутствуют первые и последние листы, приводятся различные начало и конец ее. Источники сочинения указаны не везде, поскольку для многих корейских сочинений выяснить их не представляется возможным.

Сведения по истории рукописи в силу специфики корейских рукописей, о которой сообщалось выше, как правило, в настоящем каталоге отсутствуют.

Во внешних данных отмечается следующее: коллекция, год приобретения (если он известен), место приобретения, размер, количество томов (или том по порядку), количество листов, характер пагинации, количество строк на странице (только для рукописей; ксилографы и старопечатные издания в такой отметке не нуждаются, ибо количество строк текста в корейских изданиях стандартно и равно 10–12 строкам на странице), бумага, почерк, иллюстрации, переплет, дефектность.

Относительно библиографических сведений нужно отметить следующее: 1) ни описания, ни упоминания корейских рукописей, хранящихся в Институте востоковедения, в каких-либо инвентарных списках, обзорах, статьях и книгах никогда не было; рукописи эти описываются впервые; 2) тем более не было издания текстов этих рукописей, ни полных, ни частичных; 3) не было также и переводов на русский язык как рукописей, так и сочинений, за исключением нескольких единиц, что отмечается в каждом отдельном случае; 4) отечественных каталогов, упоминавших корейские сочинения, с которых сделаны рукописные списки или рукописи как таковые, также не было; настоящее описание корейских письменных памятников является в подлинном смысле первым в СССР; 5) при описании памятников использованы иностранные библиографические справочники, указанные в списке сокращений, причем к имеющимся в нашем распоряжении библиографическим пособиям считаем необходимым добавить издания на корейском языке, которые хотя и не являются библиографическими справочниками, но сообщают чрезвычайно ценные сведения по истории корейских изданий на корейском языке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А. Библиографические справочники

- H. Cord., *Bibl. Sin.* — Henri Cordier. *Bibliotheca Sinica. Dictionnaire bibliographique des ouvrages relatifs à l'empire Chinois, I—IV.* Paris, 1904; *supplement et index*, Paris, 1922.
- M. Cour., *Bibl. cor.* — Maurice Courant. *Bibliographie coréenne. (La nomenclature des ouvrages publiés dans ce pays jusqu'en 1890, ainsi que la description et l'analyse détaillés des principaux d'entre ces ouvrages), I—III.* Paris, 1895.
- Кайдай, 1915 — 朝鮮圖書解題 (Тэсэи тосэ кайдай). Библиография корейских книг. Изд. Корейского генерал-губернаторства, Сеул, 1915, 352 стр.
- Кайдай, 1932 — то же, изд. 1932 г., 573 стр.
- Кансэки кайдай — 桂五十郎. Кацура Годзюро. 漢籍解題 (Кансэки кайдай). Библиография китайских книг. Токио, 1913, 890 стр.
- Кокусэ кайдай — 佐村八郎. Самура Хатиро. 增訂國書解題 (Дзотэй кокусэ кайдай). Пополненная библиография национальных книг, I—II. Токио, 1932, 2090 стр.
- Каньдок — 조선어사간독 (Чосон'оса каньдок). Хрестоматия по истории корейского языка. Пхеньян, 1953, 768 стр.
- Хангыльгаль — 최현배 Цой Хён Бэ. 한글갈 (Хангыльгаль). Путь корейской письменности. Сеул, 1942, 829 стр.

Б. Каталоги

- L. Serr., *Bibl. Jap.* — L. Serrurier. *Bibliothèque Japonaise Catalogue raisonné des livres et des manuscrits japonais enregistrés à la bibliothèque de l'université de Leyde.* Leyde, 1896, 296 стр.
- R. Kenn., *Cat. jap.* — Robert Kennaway Douglas. *Catalogue of Japanese printed books and manuscripts in the British Museum acquired during the years 1899—1903.* London, 1904, 98 стр.
- Ивасаки бунко — 東洋文庫岩崎文庫和漢書目錄 (Тōё-бунко Ивасаки бунко вакансэ мокуроку). Каталог китайских и японских книг собрания Ивасаки Восточной библиотеки. Токио, 1932, 485 стр. + 82 стр. приложения.
- Одагири бунко — 東洋文庫小田圃文庫目錄 (Тōё-бунко Одагири бунко мокуроку). Каталог собрания Одагири Восточной библиотеки. Токио, 1938, 226 стр. + 67 стр. приложения.

Мокуроку—金澤庄三郎. Канадзава Сёдзабуро 朝鮮
書籍目録 (Тёсэн сёсэки мокуроку). Каталог корейских
книг. Без указания места издания, 1911, 2 стр. предисловия
+ 72 стр. текста.

Тёё-бунко—東洋文庫 朝鮮本分類目録 (Тёё-бунко
тёсэнхон бунруй мокуроку). Классифицированный каталог корей-
ских книг Восточной библиотеки. Токио, 1939, 101 стр.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Введение	3
Список сокращений	19
I. Общая история Кореи	21
II. История японского вторжения в Корею в 1592—1598 гг.	38
III. Новая история Кореи. XIX в.	47
IV. История внешних сношений Кореи	50
V. Корейские издания по истории Китая	56
VI. История конфуцианства в Корею	61
VII. География	65
VIII. Этнография	69
IX. Право	74
Список иллюстраций	81

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
19	3 снизу	护	切
19	12 »	manuscripts	manuscrits
26	1 »	«Чоякимун»,	«Чоя кимун»,
39	16 »	Н ё н	Н ё н ь
40	17 сверху	Н ё н	Н ё н ь
40	20 »	言	詩
54	14 »	ф̄га	ф̄уга
55	22 »	японский	китайский.
56	4 »	Сыма.	Сыма
60	7 »	右	古
62	2 снизу	冉	丹
66	5 сверху	坡	坂
76	8 снизу	侯	侯

О. П. Петрова. Описание письменных памятников корейской культуры.